

СУБЪЕКТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПОВЕСТИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
«СЕЛО СТЕПАНЧИКОВО И ЕГО ОБИТАТЕЛИ»

У цій статті розглянуто повість Ф. М. Достоевського «Село Степанчиково та його мешканці», а саме – проаналізовано її суб'єктний план, спираючись на нечисленні праці вчених щодо цього твору. Адаже до сьогоднішнього дня повість залишається малодослідженою. У статті особлива увага зосереджена на образі розповідача, його поглядах на події та оточуючих. Наголошується на поліфонічному аспекті повісті у порівнянні з іншими творами Ф. М. Достоевського. Констатується той факт, що для розповідача, який є посередником між автором і читачем, багато чого до самого кінця залишається загадкою і читач разом з ним є відкривачем суті подій. Актуальність дослідження полягає у новому підході до характеристики повісті (не з акценту лише на образі Фоми Фомича Опискіна, а крізь призму бачення розповідача Сергія Олександровича).

Ключові слова: *оповідач, розповідач, поліфонія, точка зору, повість, Ф. М. Достоевський*

В центре нашего внимания – повесть Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» (1859). В этом произведении писатель продолжил исследование такой особенности современника, как душевная изломанность. Как и в первом своем романе, «Бедные люди», Достоевский сосредоточил внимание на амбициях человека, его желании доказать себе и

другим, что он ничем не хуже окружающих, как главной причине неестественности его поведения. Итак, не приуменьшая значимости социальных факторов, автор повести в мотивировке происходящего с его героями главное место отвел нравственной проблематике.

И современники Ф. М. Достоевского, и литературоведы, обращаясь к повести «Село Степанчиково и его обитатели», как правило, основное свое внимание сосредоточивали на образе Фомы Фомича Опискина. К примеру, критик Н. К. Михайловский в статье «Жестокий талант» отнес этого персонажа к классическому для Достоевского психологическому типу мучителя, тирана, наслаждающегося самим процессом мучительства. Еще один аспект изучения повести – ее интертекстуальность, многочисленные отсылки к произведениям русской и зарубежной литературы: А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Ч. Диккенса, Мигеля де Сервантеса, Мольера и других. К примеру, Л. П. Гроссман писал о сходстве Фомы Опискина с мольеровским ханжой и лицемером Тартюфом, увидев новизну образа Опискина, «в придании шуту и приживальщику нескольких смягчающих черт пережитого страдания» [2, 204-205]. Е. М. Сахарова и И. В. Семибратова, сосредоточив внимание на лежащем в основе «Села Степанчикова и его обитателей» противоречии между добрым, великодушным, идущим на самопожертвование полковником Ростаневым и Фомой Фомичем Опискиным, превратившимся, в результате познания горечи унижения, из приживальщика в мучителя и тирана, пишут о месте ситуации скандала в произведении. Ими обосновывается точка зрения относительно того, что «ситуация скандала, постепенно назревающая и завершающаяся острым столкновением действующих лиц, является кульминационным пунктом повести [4, 148]. Г. К. Щенников рассмотрел эту повесть Ф. М. Достоевского как художественное отражение кризиса «всей дворянской этической культуры» [5, 42]. «В двух “огромных типических” характерах Ростанева и Фомы Опискина, – пишет ученый, – Достоевский вновь обратился к анализу сентиментальной и романтической культуры, взятых теперь не как психологический склад маленького человека, а как типы сознания, воспитанные барской усадьбой, более того, всем старым феодально-патриархальным строем жизни». Остановившись на характеристике образа Ростанева, Г. К. Щенников увидел его корни в образах мечтателей из повестей Достоевского 1840-х годов (но его образ глубже, отметил он) и провел линию, связывающую его с образом Мышкина из «Идиота». «Это, – подчеркнул он, – образцовый герой с точки зрения этических норм сентиментальной культуры». Но его позиция уже не «принимается безусловно», более того, она «подвергается испытанию» [5, 42].

В нашей работе мы сосредоточим внимание на субъектной стороне этой повести Ф. М. Достоевского. При этом мы будем опираться на идеи Б. О. Кормана, по мнению которого анализ субъектного плана произведения заключается в выяснении характера речевого субъекта, того, чей угол зрения» на события, на действующих лиц выражен в данном фрагменте текста. Теоретики литературы различают два варианта освещения событий (формы повествования): **объективное**, дистанцированное от героев повествование о событиях, случившихся с персонажами, безличным субъектом, и **субъективное**, персонифицированное, когда о событиях повествуется от первого лица.

В повести Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» повествование субъективное. При этом следует отметить, что в ней проявилась такая особенность художественной манеры Ф. М. Достоевского, как многоголосие (полифоничность). Как и в любом другом литературном произведении, исключительная самостоятельность в организации образной системы и структуры произведения принадлежит автору: он сам

решает, в какой последовательности вводить героев в повествование, на чём сосредоточить внимание читателя, на чем оборвать повествование и где и как его продолжить. В то же время автор предоставляет своим героям максимальную свободу самовыражения, не делая ни одного из них рупором собственных идей. В «Селе Степанчиково и его обитатели» события и их участники даны через призму видения повествователя. Поскольку он одновременно является и участником событий, он выступает как рассказчик. Основное внимание нами будет сосредоточено на его образе: его интересах, занятиях, характере, мотивации его поступков. Он не является заместителем автора (не озвучивает идеи самого Ф. М. Достоевского). Однако выбор именно такого лица на роль повествователя, как мы думаем, не случаен.

Из подзаголовка мы узнаём, что автор предлагаемых читателю записок – «неизвестный». Тем самым писатель даёт понять, что рассказчик не стремится поставить себя в центр случившихся событий. Он, скорее, очевидец или рядовой участник истории, о которой он собирается поведать. Он мало чем отличается от других людей и, следовательно, по тому, как он как он ведет себя, как переживает происходящее, можно судить о многих других не менее обычных, рядовых людях.

В первой главе своих «записок» («Вступление») рассказчик знакомит читателя с главными героями истории: полковником Ростаневым, генеральшей Крахоткиной (матерью полковника) и Фомой Опискиным. О себе же он сообщает только то, что является племянником полковника Егора Ильича Ростанева. Но далее он все же делится с читателем воспоминаниями, из которых можно узнать о нем больше: «В детстве моём, когда я осиротел и остался один на свете, дядя заменил мне собой отца, воспитал меня на свой счёт и, словом, сделал для меня то, что не всегда сделает и родной отец. <...>Выйдя из университета, я жил некоторое время в Петербурге, покамест ничем не занятый и, как часто бывает с молокососами, убежденный, что в самом непродолжительном времени наделаю чрезвычайно много чего-нибудь очень замечательного и даже великого» [1, 173]. Свое желание ехать в Степанчиково он объясняет следующим образом: «Я решился ехать в Степанчиково, желая не только вразумить и утешить дядю, но даже спасти его по возможности, то есть выгнать Фому, расстроить ненавистную свадьбу с перезрелой девой и, наконец, – так как, по моему окончательному решению, любовь дяди была только придирчивой выдумкой Фомы Фомича, – осчастливить несчастную, но, конечно, интересную девушку предложением руки моей и проч. и проч.» [1, 175]. Пребывая в доме дяди в качестве простого гостя, он становится борцом за правду, разоблачителем фальши, лжи, притворства, приспособленчества. То есть им движет желание совершить благородный поступок и восстановить справедливость. Из этого можно сделать вывод, что «неизвестный» – молодой благородный человек, помнящий о добре, которое к нему проявили, и сам способный совершать добро.

Во второй главе, наконец, выясняется имя рассказчика. Вспоминая о разговоре с повстречавшимся им в пути Бахчевым, он сообщает: «Я объяснил, что насчет лица я покамест нахожусь в неизвестности (*о Фоме Фомиче*), но что Егор Ильич Ростанев мне приходится дядей, а сам я – Сергей Александрович такой-то» [1, 180]. Он кратко повествует о том, как складывалась его жизнь в Петербурге до поездки в имение дяди, признается, что «совершенно не был в обществе», нанимал квартиру и занимался науками. Однако в целом рассказчик очень мало сообщает о своей жизни, поскольку повествование о себе не является его целью. Но характеристику племяннику полковника Ростанева дают другие герои.

В произведении Сергея характеризует, к примеру, Мизинчиков, который неудачно приглашал его в соучастники похищения Татьяны Ивановны: «– Нет, видите ли, я вас давеча несколько изучал. Вы, положим, и пылки и... и... ну и молоды; но вот в чем я совершенно уверен: если уж вы дали мне слово, что никому не расскажете, то уж, наверно, его сдержите. Вы не Обноскин – это первое. Во-вторых, вы честны и не воспользуетесь моей идеей для себя, разумеется, кроме того случая, если захотите вступить со мной в дружелюбную сделку...» [1, 269]. И, к чести Сергея, необходимо заметить, что быть соучастником сомнительного предприятия он отказался.

Другая гостья в доме полковника, Анфиса Петровна Обноскина, называет Сергея вольнодумцем, правда, смысл, который она вкладывает в это определение, довольно неожиданный: «Я уверена <...> что вы, в вашем Петербурге были небольшим обожателем дам. <...> Я не иначе соглашаюсь на это смотреть, как на непростительное вольнодумство» [1, 208].

В восьмой главе («Объяснение в любви») Сергей разговаривает с Настенькой Ежевикиной. Гувернантка тоже даёт свою характеристику племяннику полковника Ростанева. И, пожалуй, ее оценка наиболее точная. «Я уверена, – говорит Настенька, – что вы и добрый, и милый, и умный, и, право, я искренно говорю это! Но... вы только очень самолюбивы. От этого ещё можно исправиться» [1, 245].

Однако образ Сергея в повести, главным образом, важен не сам по себе, но в связи с тем, что именно через призму его восприятия даны события и их участники. Все они – герои его «записок». Он сам решает, о ком сообщить подробно, о ком – вкратце, какова будет последовательность (линейная или же с инверсией) изложения им событий, введения участников истории в действие.

Каково же отношение Сергея к героям этой истории и к происходящему вообще? Вначале он постоянно сомневается. В его словах прослеживается неуверенность. Когда другие рассказывают ему о бесчинствах Фомы Фомича, то Сергей всячески пытается найти оправдание, вернее, какое-то логическое объяснение такому поведению Опискина (разговор Сергея с Бахчевым, с дядей). Его растерянность возрастает с приездом в дом дяди и знакомством с Опискиным. Ему трудно поверить в реальность того, что открывается его глазам, настолько оно абсурдно. «Ну, чудачки! Их как будто нарочно собирали сюда!» – подумал я про себя, не понимая ещё хорошенько всего, что происходило перед моими глазами...», – вспоминает Сергей [1, 211].

Однако, как обнаруживается, он практически с первого взгляда с невероятной точностью определяет сущность человека, а далее мнения Сергея Александровича просто подтверждаются. Он обладает необычайной способностью по внешним признакам определять характер человека: в Обноскине рассказчик сразу заметил неискренность и желание представляться таким, каким на самом деле не был: «Белобрысые, тонкие тараканьи усы и неудавшаяся клочковатая бороденка, очевидно, предназначены были предьявлять человека независимого и, может быть, вольнодумца. Он беспрестанно прищурился, улыбался с какою-то выделанною язвительностью, кобенился на своём стуле и поминутно смотрел на меня в лорнет; но когда я к нему поворачивался, он немедленно опускал своё стёклышко и как будто трусил» [1, 203]; о Мизинчикове Сергей говорит: «...я вовсе не заметил в нём никакой «забитости», которую видел в нём дядя; напротив, взгляд его светлоскарих глаз выражал решимость и какую-то определенность характера» [1, 203]; девицу Перепелицыну он оценил по «необыкновенно злому» лицу, которое более чем красноречиво говорило о её истинной сущности; а вот в Татьяне Ивановне, несмотря на то, что это была

«престранная дама», за которой «все в доме ухаживали за её богатство», Сергей заметил добрую душу: «Мне, впрочем, понравились её глаза, голубые и кроткие <...> взгляд их был так простодушен, так весел и добр, что как-то особенно приятно было встречаться с ним» [1, 204]. В общем, можно с уверенностью сказать, что Сергей Александрович очень хороший психолог, он тонко чувствует людей.

Но главным человеком для Сергея, был, конечно, дядя. Он благодарен полковнику за то, что тот когда-то не оставил маленького, осиротевшего племянника, а забрал его к себе, воспитал и дал ему достойное образование. «...я привязался к нему всей душой» – говорит рассказчик. Между Сергеем и его дядей царит взаимопонимание: «...мы очень скоро сошлись и совершенно поняли друг друга». Сергея возмущает, что «дядю в его же доме считали ровно ни во что» [1, 207].

Генеральша Крахоткина приходится Сергею бабушкой. Но он не относится к ней, как к родному, близкому человеку. Напротив, Сергей говорит о ней довольно резко: «Представьте же себе теперь вдруг воцарившуюся в его (*полковника*) тихом доме капризную, выживавшую из ума **идиотку** неразлучно с другим идиотом – её идолом, боявшуюся до сих пор только своего генерала, а теперь уже ничего не боявшуюся и ощутившую даже потребность вознаградить себя за всё прошлое, – **идиотку**, пред которой дядя считал своею обязанностью благоговеть уже потому только, что она была мать его» [1, 168-169]. Для него она – старуха, потерявшая последние «и прежде ещё небогатые» умственные способности и постоянно, без причины, укорявшая своего сына «в эгоизме, неблагодарности, непочтительности». Её абсолютно не интересуют мнения и чувства других, для генеральши на первом месте только её амбиции и желание самоутвердиться. Крахоткина никого не любит, даже о её замужестве Сергей говорит, что «ей всего более нравилось то, что он генерал, а она по нём – генеральша» [1, 159]. Очевидно, что Сергей не испытывает к ней ни любви, ни уважения потому, что это просто «тощая и злая старуха», желавшая, чтобы всё и вся подчинялись её желаниям и соглашались с её мнением. Так как Крахоткиной не удавалось подчинить себе мужа-генерала (она его боялась), то она искала людей, которые были хоть немного слабее неё. Генеральша окружила себя приживалками, которые всегда во всём с ней соглашались и, если нужно было, также укоряли полковника или кого-либо другого, кто хоть как-то выступал против их благодетельницы.

Главный же приживальщик и одновременно самодур, подчинивший себе не только генеральшу Крахоткину, но и весь дом, – это, конечно же, Фома Опискин. При представлении этого лица рассказчик, наверное, больше всего использует иронию: «Признаюсь, я с некоторою торжественностью возвещаю об этом новом лице» – так вводится в повествование Фома Фомич [1, 160]. Но из дальнейшего рассказа мы понимаем, что Опискин ничтожный человек, шут. И «торжественность», с которой Сергей говорит о Фоме Фомиче, ироническая, точнее даже – саркастическая. Далее Сергей даёт Опискину более объективную характеристику: «Представьте же себе человечка, самого ничтожного, самого малодушного, выкидыша из общества, никому не нужного, совершенно бесполезного, совершенно гаденького, но необъятно самолюбивого и вдобавок не одаренного решительно ничем, чем бы мог он хоть сколько-нибудь оправдать своё болезненно раздраженное самолюбие» [1, 165]. Рассказчик просит вообразить себе не человека, а «человечка», то есть этим он ещё больше подчеркивает то, что Фома, на самом деле, ничтожный и мелкий. Старый камердинер Гаврила, рассказывая Сергею о Фоме Фомиче, называет его «плюгавеньким». Возможно, у читателей возникает вопрос: разве может ничтожный, маленький человек обладать столь сильным

влиянием на других людей и даже быть для них мучителем? Но, как писал Н. К. Михайловский, «...чтобы быть жестоким тираном, вовсе не требуется величавой и трагической физиономии. Вообще мучителям делают слишком много чести, представляя их себе какими-то гигантами. Напротив, при кровопийственном комарином жале они обладают большей частью и комариным ростом» [3].

В повести отсутствуют диалоги Сергея с Фомой: молодой человек только наблюдает и слушает то, что делает и говорит Опискин. Свою же оценку происходящего рассказчик высказывает нам, читателям. Как правило, Сергей Александрович пытается всеми возможными способами противостоять Фоме и его соглашателям. Например, когда все стали смеяться над Ежевикиным, над его простотой и шутовством, Сергей единственный, кто решился поддержать того: «...мне хотелось хоть чем-нибудь противостоять против всеобщего мнения, показав открыто старику моё сочувствие» [1, 215].

Как уже было отмечено, в начале повести, когда Сергей узнаёт о Фоме Фомиче по слухам, от других людей, он сомневается в правдивости того, что ему говорят. Но, когда рассказчик лично сталкивается с Опискиным, он меняет своё мнение: «Всё, что я до сих пор по слухам знал о Фоме Фомиче, казалось мне несколько преувеличенным. Теперь же, когда я увидел всё сам, на деле, изумлению моему не было предела. Я не верил себе; я понять не мог такой дерзости, такого нахального самовластия...». Зададимся вопросом: почему в произведении отсутствуют диалоги между Сергеем и Фомой? Сергей говорит: «Я горел желанием как-нибудь связаться с Фомой, сразиться с ним, как-нибудь наругать ему поозартнее, – а там что бы ни было!» [1, 237], но Фома Фомич уходит от разговора с Сергеем. Почему? Вероятнее всего, он чувствует в Сергее личность независимую. Фома одурачил полковника и его окружение. Но кто может обрести такую власть над людьми? Тот, кто хорошо разбирается в людях. Как уже выше было сказано, Сергей тоже неплохой психолог. Поэтому Сергей и Фома – достойные соперники, Опискин это чувствует и потому уходит от прямого контакта с племянником Ростанева. Ему нужно во что бы то ни стало сохранить благопристойный вид и любой ценой выставить Сергея на посмешище, в крайнем случае, под личиной заботы о «ближних» и делах их житейских, переманить всех окружающих под свою «опеку», дабы они отвернулись от Сергея. Фома Фомич не только искусный «кукловод», он – стратег и тактик. Для него победа над Сергеем – жизненная необходимость. Прямая стычка – это событие с непредсказуемыми последствиями, и он искусно избегает его. Сергею же, в отличие от Фомы Фомича, для победы необходим прямой диалог с коварным манипулятором, чтобы публично разоблачить и развенчать его, лишить этого зарвавшегося шута с замашками несостоявшегося самодержца гипнотической, необъяснимой власти над «обитателями».

Следует отметить, что Сергей Александрович принадлежит к числу пишущих героев в мире Достоевского, к числу литераторов. Дядя, представляя его Фоме Опискину, настойчиво повторяет, что Сергей «тоже занимался литературой». И он не только, так сказать, прозаик, но и критик, и пародист, что превосходно доказал анализом Фомы Фомичевых беллетристических опусов: «Фома действительно сотворил когда-то в Москве романчик, весьма похожий на те, которые стряпались там в тридцатых годах ежегодно десятками, вроде различных «Освобождений Москвы», «Атаманов бурь», «Сыновей любви, или русских в 1104-м году и проч. и проч. » [1, 166]. И здесь нужно обратить внимание: не роман, а «романЧИК», то есть рассказчик сразу даёт понять читателю, что Фома Опискин – слабый, неудавшийся литератор, его творчество не заслуживает высокой оценки. Неудавшейся

литературной деятельностью Сергей и объясняет поведение Фомы Фомича: «...змея литературного самолюбия жалит иногда глубоко и неизлечимо, особенно людей ничтожных и глуповатых. Фома Фомич был огорчен с первого литературного шага и тогда же окончательно примкнул к той огромной фаланге огорчённых, из которой выходят потом все юродивые, все скитальцы и странники. С того же времени, я думаю, и развилась в нём эта уродливая хвастливость, эта жажда похвал и отличий, поклонений и удивлений» [1, 166]. Но издеваясь над другими людьми, в психологическом плане, Опискин не преследует какой-либо цели. Как писал Н. К. Михайловский: «Фома не добивается никакого определенного результата, достижение которого положило бы конец его операции; для него самый процесс мучительства важен, процесс самодовлеющий и, следовательно, сам по себе безостановочный» [3].

Для того, чтобы картина была полнее, рассказчик включает в свою речь чужие высказывания, в которых персонажи раскрываются непосредственно, а не в его восприятии. К примеру, троюродного брата, убежденного в том, что генеральша находилась в непозволительной связи с Фомой Фомичом. Однако самому рассказчику подобная точка зрения не кажется верной, и он отвергает ее как слишком грубую и примитивную. Кроме включения чужих оценок, с которыми он соглашается или же отвергает их, повествование Сергея Александровича включает диалоги других лиц. Тем самым он предоставляет этим лицам раскрыться непосредственно, через их реплики. В ряде случаев в свое повествование он вкрапляет слова других лиц (как бы цитирует их), даже если и не согласен с ними, с тем, чтобы наиболее точно представить это лицо читателю.

Также Сергей включает в повествование другие точки зрения. Таким образом, оказывается, что в повести несколько рассказчиков. Кроме Сергея Александровича, в роли рассказчиков в ней выступают г-н Бахчеев (он описывает давно покинувшему дом дяди и поэтому многого не знающему Сергею Александровичу положение дел в доме его дядюшки и, главным образом, положение в нем и поведение Фомы Опискина), сам Егор Ильич Ростанев (к примеру, он рассказывает о своем знакомстве с генералом Русановым и о том, как Фома отнесся к этому знакомству), другие персонажи. Включение нескольких рассказчиков в повесть мотивировано тем, что ни одному из них не известна вся правда. Каждый из них имеет представление об одной из сторон сложившейся ситуации и по-своему оценивает ее. На основе включения всех их голосов в повествование и рождается та полифония, о которой писал М. М. Бахтин.

К примеру, как уже было отмечено, во второй главе, когда сам Сергей ещё только едет в Степанчиково, у читателя и у рассказчика появляется возможность взглянуть на ситуацию глазами господина Бахчеева. Последний не скрывает своего негодования и негативного отношения к Фоме Опискину. Он искренне надеется, что Сергею удастся вразумить дядюшку и всех обитателей Степанчикова, а также расправиться с Фомой. Свою оценку Бахчеев выражает, опираясь на пословицы и поговорки: «Прежде Ваня огороды копал, а теперь Ваня в воеводы попал» [1, 181]. То же самое делает и Сергей, который говорит о Фоме Фомиче: «Посади за стол, он и ноги на стол» [1, 167].

Не у всех персонажей, чьи точки зрения на ситуацию приводятся в повести, одинаково полное и точное представление о ней. В конце произведения ситуация меняется, «гений добра безусловно воцарился в доме, в лице Фомы Фомича». Даже те герои, которые сначала были против Опискина, начинают верить в то, что Фома изменился (Бахчеев, Сашенька, Настенька). Единственный, кто до конца не поддается влиянию Фомы Фомича – это Сергей

Александрович. Ну, а кто-то из героев как был, так и остался в заблуждении. Сергей приехал в Степанчиково для того, чтобы исправить ситуацию. Он открыто указывает на все пороки и недостатки Фомы Опискина, пытаясь открыть глаза дядюшке, генеральше и всем, кто благосклонен к Фоме. Но Сергею никто не верит, его как будто не слышат. И это вопрос: не слышат или не хотят слышать? Ведь согласиться с Сергеем – значит изменить свою позицию, отношение к Фоме Фомичу, жизненный уклад. Быть может, героям просто удобно быть под влиянием Фомы, когда он управляет их жизнью и умом. Если Опискина выгонят – ситуация в корне изменится, а полковнику Ростаневу и другим обитателям Степанчикова, похоже, совсем не хочется этих перемен.

Правда, и сам Сергей Александрович не проявляет в большинстве случаев инициативы. Он, скорее, наблюдатель. Но как рассказчик, он заставляет задуматься над происходящим читателя. Обратим внимание на то, что в ряде случаев Сергей непосредственно обращается к читателю, включая его в соразмышление: «Представьте же... Предупреждаю заранее... Однако позвольте ж спросить... уверены ли вы...».

Выводы. Образ Сергея Александровича – посредник между автором и читателем. Вероятнее всего, он нужен был Достоевскому для того, чтобы дать верное направление симпатиям читателя. Он не лишен склонности к фантазии и часто подчиняется действию воображения. Он чист душой, прямолинеен, не способен на интриги, обманы и подлости. Делая рассказчиком человека, любящего полковника, он и читателя располагал к этому своему персонажу. Одновременно необходимо признать, что как рассказчик, являющийся персонажем, Сергей Александрович не наделен знанием всех сторон происходящего, многое для него почти до самого конца остается загадкой, а потому читатель вместе с ним открывает для себя суть событий. Это же относится и к его пониманию людей. Простодушный Сергей не сразу может разгадать чью-то игру, суть затеянных кем-то интриг. Поэтому он, а вместе с ним и читатель, может заблуждаться, но в конечном итоге все же придти к верному решению. Поэтому особое значение имеет не только раскрытие характера самого «неизвестного» (путем его собственной исповеди или же показа его в восприятии других персонажей), но и форм выражения им своего мнения, в том числе и в ходе спора с кем-то или же прнятия чьей-то чужой точки зрения.

Список использованной литературы

1. Достоевский Ф. М. Село Степанчиково и его обитатели / Ф. М. Достоевский // Достоевский Ф. М. Повести. – М. : Сов. Россия, 1986. – С. 157-355.
2. Гроссман Л. Достоевский / Леонид Гроссман. – М.: Астрель, 2012. – 539 с.
3. Михайловский Н. К. «Жестокий талант» :[электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/m/mihajlowskij_n_k/text_0042.shtml
4. Сахарова Е. М. Энциклопедия русской жизни: Роман и повесть в России второй половины XVIII – начала XX в.: Рекомендательный библиографический указатель / Е. М. Сахарова, И. В. Семибратова. / Под ред. проф. В. И. Кулешова. – М.: Книга, 1981. – 384 с.
5. Щенников Г. К. Достоевский и русский реализм / Г. К. Щенников. – Свердловск: Изд-во Урал ун-та, 1987. – 352 с.